

Хан Дин

38-я ПАРАЛЛЕЛЬ

В 1952–1957 годах известный казахстанский писатель, драматург Хан Дин (Хан Де Ён) учился в Москве на сценарном факультете ВГИКа. Тогда же появились его первые рассказы, повести, отмеченные маститыми педагогами. Эта впервые публикуемая киноповесть является дипломной работой автора.

Холмистая равнина, позолоченная заходящим солнцем.

Пёстрый ковер цветов пересекает широкая пыльная дорога, убегающая в даль, где седеют посевы риса, готовые к уборке, где дымят трубы фанз, где в трепетном воздухе дрожат зубчатые вершины скалистых гор...

На плоском холме у дороги – маленький буддийский храм, укрепленный каменными химерами. С шумным карканьем слетает с карниза беспорядочная стая галок.

Опершись на замшелого Будду, стоит юноша в чёрных монашеских одеждах. Древняя Корея, замершая в час заката, раскинулась перед ним...

Бледные веки его полузакрыты, он шепчет:

Плывут облака
Отдыхать после знойного дня,
Стремительных птиц
Улетела последняя стая.
Гляжу я на горы,
И горы глядят на меня,
И долго глядим мы,
Друг другу не надоедая...

По равнине среди цветов идут, взявшись за руки, юноша и девушка. Глядя на них, юных и гибких, можно сразу сказать, что свадьбу сыграют не позже новой луны.

Вдруг девушка изогнулась, вырвала руку и бросилась бежать, развевая длинную косу.

Вслед ей несется крик спутника:

– Бон Не! Бон Не! Тебя унесет ветер...

Разрывая коленями цветы, она выбегает на пыльную дорогу.

Чёрным соколом схватил ее догнавший юноша. Бон Не, взглянув наверх, выскользывает из его объятий.

На вершине холма, возле храма, куда ведет крутая лестница с истёршимися ступенями, неподвижно стоит молодой монах.

Юноша, склонившись к уху своей возлюбленной, тихо говорит:

Обещаю я любимой десять тысяч золотых,
Обещаю я любимой сто сокровищ подарить...

Девушка закрывает ему лицо ладонью:

– Хвастун!

Они идут по дороге.

– Знаешь, Хо Сик, мне хочется идти далеко-далеко по этой дороге... Что там будет? – спрашивает Бон Не, глядя на горизонт.

– К вечеру второго дня будет Пхеньян, если идти обратно – Сеул. Скоро я поеду туда.

– Я тебя не пущу одного! Говорят, что в городе живет бесхвостая лиса. Такая хитрая, что ты не заметишь, как она вытащит твои глаза!..

– Я буду ходить с закрытыми глазами... – улыбается Хо Сик.

Споткнувшись, он поднимает с земли ржавое железо.

– Кандалы! До Освобождения здесь работали политические заключённые...

Он сбрасывает их с дороги.

– Это для того, чтобы ты не спотыкалась, когда станешь моей женой...

Они подходят к высокой шелковице у мостика через заросшую серебряными ивами речку.

Бон Не спохватывается:

– Теперь ты иди домой... Я не хочу, чтобы нас видели до свадьбы.

И, обняв его, шепчет:

– Вечером приходи к реке. А чтобы ты не перепутал место свидания...

Бон Не выдергивает из косы ленту и привязывает ее к нижней ветке шелковицы.

Хо Сик возвращается обратно.

Вдали на дороге слышится странное жужжанье. Оно становится всё громче, все назойливее. Остановившись у подножия лестницы, Хо Сик всматривается в горизонт. За ближними холмами поднимается облако пыли. Около Хо Сика задерживаются прохожие.

Сверху кричит монах:

– Отойдите с дороги!

И в тот же момент, взревев на подъеме, из-за холма появляется радиатор грузовика с чудовищно расставленными фарами. Военные машины, набитые американскими солдатами, в клубах пыли проносятся мимо молчаливой толпы.

У моста грузовики резко замедляют ход, и дорога мигмом покрывается американцами.

Американские солдаты перегораживают дорогу колючей проволокой...

Офицер прибывает к полосатому дорожному указателю доску: «38 параллель»...

Шум команд. Взводы расходятся по берегам реки. Прохожие крестьяне приближаются к колючей проволоке, охраняемой часовыми в белых шлемах военной полиции.

Седобородый крестьянин с велосипедом подходит к солдату:

– Послушайте... Мне надо скорее попасть домой!

Американец молча отталкивает его карабином. Подбегают еще несколько солдат и начинают теснить толпу. Завыли сиренами две бронемшины и медленно двинулись вперед.

Толпа в смятении отступает. Среди рева моторов слышен отчаянный крик ребенка.

Перекрывая крики и вой сирен, раздается спокойный, лишенный интонаций голос из громкоговорителя, установленного на грузовике:

– Я, властью главнокомандующего тихоокеанской американской армией, отныне буду проводить военную политику на юге Кореи по тридцать восьмую параллель. Условия оккупации следующие: жители должны подчиняться моим приказам и приказам моей власти. Кто посмеет сопротивляться оккупационной армии – будет строго наказан...

На вершине холма стоит монах. Он гладит рукой пушистый росток соснового деревца. Снизу долетают ледяные слова приказа.

Монах шепчет:

Ты у дороги для чего
Стоишь, моя сосна?
Как я хотел бы скрыть тебя
Подальше от людей,
Уже идущих с топором,
Чтобы тебя срубить...

В вечернем воздухе явственно разносятся слова приказа:

– ...будет расстрелян.

Ночь. Дрожат золотые звёзды.

Слышится глухой выстрел... Короткая пулеметная очередь... Тишина.

Световые стрелы прожекторов делают круг, освещая северную сторону. Серая дорога... испуганная светом собака шарахается в сторону. Гремит выстрел. Собака катится кубарем и замирает.

Мост среди плакучих ив... Темная купа шелковицы... На нижней ветке висит лента Бон Не.

Прошло несколько дней. На каменной скамейке возле буддийского храма сидит Хо Сик. Внизу по дороге мчатся военные машины, маршируют американские солдаты. Возле моста расположились белые бараки и походные палатки пограничного поста. У подножия холма – амбразуры дзотов.

По лестнице поднимается юноша-монах с ведрами, полными воды.

Хо Сик подбегает к нему и берет одно ведро:

– Вы его видели?

– Да, я договорился о вас... – тихо отвечает монах. – Вы должны прийти к Ивовому берегу до одиннадцати часов.

– Откуда пришел этот переносчик писем?

– Кажется, из Сеула...

– Он один?

– Да. Он просил передать вам, что это очень опасно. Вы знаете, американцы убивают всех, кто появляется на берегу! – говорит монах, поливая сосновый росток.

Хо Сик кладет руку ему на плечо:

– Спасибо, брат. Мне необходимо идти – ведь до свадьбы осталось всего две недели...

Монах, наклонившись, разрыхляет палочкой землю возле деревца.

– Я понимаю вас... Я тоже долго здесь не останусь. Они осквернили святую гору. Теперь здесь не место отшельнику. Надо возвращаться в Сеул...

Он задумчиво проводит рукой по мягким иглам соснового деревца.

– Кто будет поливать его? Без меня оно погибнет.

– Брат, время ли думать об этом?

Монах поднимает глаза. Они грустные и глубокие, как горные озёра.

– Я посадил его Пятнадцатого августа, в день Освобождения. Его рост равен моему росту... Вы знаете, что сказал поэт...

Если спросишь, кем я стану
После смерти, – я отвечу:
Над вершиною Пэнляя
Стану я сосной высокой.
Пусть замрёт весь мир под снегом,
Зеленеть один я буду!

– У каждого своя радость в жизни: у вас – невеста, у меня – сосна. И мне тоже трудно расстаться с ней... – тихо добавляет монах. – Прощайте. Я буду молиться о безлунной ночи и сильном дожде, чтобы скрыл он следы беглецов...

– Прощайте, может быть, мы больше не увидимся...

Хо Сик круто поворачивается и сбегает вниз по истёртым ступеням лестницы.

Тёмная ночь. На небе не видно ни одной звезды.

На камне, поставленном вместо порога, сидит Хо Сик. Он задумчиво смотрит на огонь, зажжённый около дома от комаров. По его лицу бродят тени и отсветы пламени.

– Хо Сик, ты еще не спишь? – доносится из комнаты слабый и сонный голос матери.

– Я лучше здесь буду спать, мама, – в комнате душно...

– Иди в комнату. На дворе опасно – кругом солдаты...

– Ничего, мама, спи...

На костёр падают первые капля дождя. Хлынул ливень. Огонь с шипением гаснет.

Хо Сик тихо зовёт мать:

– Мама... Мама...

Ответа нет. Хо Сик осторожно встает и на цыпочках выходит со двора. У ка-литки он останавливается, ещё раз оглядывает фанзу и пропадает в темноте.

На пороге в освещенном квадрате двери появляется мать. Она пристально глядит в ночной мрак:

– Хо Сик... Куда ты ушел? Кругом чужие солдаты! Хо Сик!

Шуршит дождь, стекая с мокрых листьев.

Ночь. Тяжело висят чёрные тучи. Струи дождя с силой хлещут по мерцающей воде. В темном потоке купаются ветви ив.

Прогремел далёкий выстрел и затих в плотной тишине.

Кусты на берегу зашевелились. Показывается голова мужчины. Он пристально вглядывается в темноту.

Слышен лай сторожевой собаки. Тусклыми пятнами вспыхивают огни.

Человек насторожился. Вдоль реки идут туманные фигуры американских солдат с фонариками в руках. Человек прячется в кусты. Там сидит мокрый Хо Сик.

Человек трогает его за плечо и одними губами шепчет:

– Патруль... Тише. В этом месте неглубоко...

– Да, я знаю... Я здесь встречался со своей невестой.

– Сначала я, потом вы считаете до двухсот пятидесяти и ...

Он поправляет на груди жестяную банку с письмами и бесшумной кошкой скрывается в темноте.

Снова гнетущая тишина.

– ...пятьдесят один, пятьдесят два...

Вдруг совсем рядом грохочет выстрел. Хо Сик бросается вперед, к берегу. На песчаной отмели американский солдат очередь за очередью посылает в черную воду. Близо раздаются свистки патруля. Хо Сик падает и ползёт к кустам. Свистки приближаются. Лучи фонариков обшаривают берег.

Но Хо Сик уже достиг спасительных кустов. Он стремглав мчится обратно. Мокрые ветки хлещут по голому телу.

На реке беспорядочно гремят пулемётные очереди.

Двор перед фанзой Хо Сика.

Из сплошной завесы дождя выбегает Хо Сик. Прислушивается... Где-то далеко, со стороны реки слышны свистки и лай собак.

Хо Сик замечает предательскую цепочку своих следов на жидкой грязи. На границе тревожно завывла сирена.

Хо Сик в последний раз смотрит на неподвижный силуэт матери, чернеющий на освещенной изнутри промасленной бумаге двери. Мать сидит и ждет сына...

– Прощай, мама...

Тишина. Двор пуст. И только следы говорят о том, что здесь недавно стоял человек...

Бегут вдоль пыльной дороги телеграфные столбы.

На одном из столбов висит спутанный клубок проволоки. Дальше на выжженном солнцем пустыре линия прекращается. Это – пограничная зона.

В белесой придорожной траве лежит переносчик писем. Подложив жестяную банку под голову, он смотрит в небо, туда, где под перистыми облаками парит бумажный змей.

Переносчик писем улыбается:

– Вот весёлый народ! Наверное им нечего делать...

Звенит велосипедный звонок. На дороге остановился почтальон в синей форме.

– Здравствуй. Ты долго меня ждал?

– Не больше, чем всегда. Я переправился на рассвете... Сегодня не очень много писем.

Он открывает банку и достаёт письма. Почтальон прячет их в сумку:

– Когда придёшь ещё?

– Как обычно – через неделю...

По зелёной тропинке поднимается на холм переносчик писем. Змей, развевая мочальный хвост, то опускается, то взлетает, нащупывая воздушные потоки. Переносчик писем отстраняет рукой колючие ветки шиповника и выходит на солнечную поляну.

Там стоит Бон Не. Это она пускает змея. Рукава соскользнули, обнажив худенькие руки. Лицо её мокро от слёз.

Переносчик писем удивленно останавливается:

– Что случилось, девушка? Разве игра бумажного змея – скорбное занятие? Разве это не знак безделья?

От испуга Бон Не выпускает бечёвку. Змей взмывает к облакам и исчезает. Бон Не опускается на землю и закрывает лицо ладонями. Плечи её вздрагивают от слёз.

Переносчик писем подходит ближе:

– Почему такое грустное веселье?

– Я посылаю ему уже шестое письмо... Может быть, сегодня долетит... – слышится сквозь всхлипы.

Переносчик писем смотрит в ту сторону, куда улетел бумажный змей. Вдалеке из-за холмов поднимается густое, серое облако дыма.

Горит деревня Хо Сика. Пылают фанзы, сараи, скирды рисового урожая. Обрушиваются тростниковые крыши, взметая столбы искр. Деревня оцеплена американцами. Кольшется толпа крестьян за оцеплением. Дым, треск пламени, крики и плач смятенных людей...

Между оцеплением и горящими домами ходит огнемётчик в чёрных очках. Он замечает большую скирду рисовой соломы, до которой не достают языки огня. Длинная струя горючей смеси пронзает воздух.

Бушует пламя, в небо тянется черное облако дыма, похожее на драконий хвост. Медленно опускается на деревню бумажный змей. Задержавшись на мгновение, стремительно падает вниз – и исчезает в море огня.

На склоне холма стоит монах и смотрит на пожар.

Сзади к нему подходит переносчик писем с жестяной банкой:

– Что случилось?

Монах оборачивается;

– А, это вы! Давно с Севера?

– Только что переплыл. На реке нет ни одного часового...

– Все пошли грабить в деревню.

– Что здесь творится?

– Деревня оказалась в пограничной зоне. Я ухожу в Сеул – они хотят поставить в храме пулемет...

– Пойдём со мною, брат.

Монах и переносчик писем скрываются в кустах, обступивших поляну.

По дороге растянулась длинная толпа крестьян из сожжённой деревни. Они несут то, что можно было сразу выхватить из огня – котлы, чайники, кастрюли, одеяла...

На обочине дороги молча стоят монах и переносчик писем.

Мимо проходит старая женщина – мать Хо Сика. Слабые ноги не выдержали – она споткнулась. Маленький узелок упал в пыль.

Подбежавший монах помогает подняться:

– Здравствуйте... Какое горе!

– Здравствуйте...

– Ваш сын так и не вернулся?

– Нет... С той ночи он пропал...

Она уходит с крестьянами. Монах и переносчик писем идут за ними.

Сеул. Среди высоких домов европейского типа затерялись старые крепости, королевские дворцы, буддийские храмы... У каменных замшелых ворот, оставшихся от крепостной стены, когда-то опоясывавшей город, стоит Хо Сик. Его ноги покрыты белой пылью дальней дороги. Хо Сик стряхивает пыль с куртки и проходит в тёмную пещеру ворот.

Хо Сик идёт залитой солнцем улицей мимо здания, где раньше жил японский наместник, а теперь размещается штаб американских войск. Лениво полощется полосатый флаг, по широким ступеням снуют офицеры.

Хо Сик проходит мимо витрины громадного универсального магазина, где льются искрящиеся водопады пестрых галстуков, сладко улыбаются манекены, сверкает полированными боками мебель последних фасонов. Завизжали тормоза. Хо Сик в испуге оглядывается. Прямо на него нацелились две громадные хрустальные фары. Воет сирена. Он бросается в сторону и теряется в водовороте автомобилей и мотоциклов.

Узкая улица предместья.

В тени вытянувшихся вдоль улицы глухих глиняных заборов сидят люди. Их безнадёжные позы, склоненные головы, безвольно опустившиеся руки говорят о долгом и привычном отчаянии.

Вдоль забора идёт Хо Сик.

Он устало склоняется на землю около дремлющего прорицателя в круглых очках, обложившегося потрепанными книгами.

Прорицатель открывает глаза:

– Не хотите ли знать о своем будущем?

– У меня нет денег...

Прорицатель лениво зевает:

– Я могу погадать и бесплатно. Без денег, конечно, не настоящее гадание. С деньгами мое гадание говорит правду. Но, может быть, то, что я вам скажу, все-таки сбудется...

Он начинает рыться в книгах:

– Когда вы родились?

– В 1929 году.

– А по старому стилю? Это нужно для гадания...

– Не знаю...

– Ну, все равно. Чем занимаетесь?

– Приехал из деревни.

– Сколько человек в семье?

– Мать и я. Вы гадаете или допрашиваете? Так и я могу гадать!

– Всё это нужно... – отвечает, улыбаясь, прорицатель.

Прорицатель открывает книгу с картинками. Там нарисованы дома, люди, луна, телега, бочки, скирды богатого урожая, птицы... Хо Сик слушает его, закрыв глаза.

– Это ваш дом. Скирды урожая и бочки. Все это говорит, что вы будете жить зажиточно. Вот, видите, вы возвращаетесь домой. Вот вас встречает мать. Но вы вернулись не один. Это ваша жена, это ваши дети. Вот здесь дикие гуси летят. Значит, вы будете жить не на одном месте, а перелетной жизнью...

– Когда я получу работу? Это не нарисовано?

– Скирды урожая и дикие гуси... Значит, осенью, если не этой, так следующей, вы станете зажиточным. Это уже точно.

Хо Сик встает и, махнув рукой, уходит. Прорицатель продолжает что-то бормотать.

Хо Сик снова на центральной улице. Он останавливается перед витриной, где выставлен примерный обед. Хо Сик шарит в кармане и достает серебряные монетки. Даже не нужно считать – их слишком мало. Одна монетка падает на землю. Хо Сик нагибается за нею. В плотную пыль вонзаются первые капли дождя. Дождь усиливается. Хо Сик укрывается в подъезде, где спрятались от дождя прохожие.

– Здравствуйте! Какими судьбами? Я думал, что вы на Севере...

Перед Хо Сиком стоит монах, приехавший от тридцать восьмой параллели.

– Как вы сюда попали? Неужели они выгнали и вас?

– Они поставили в храме пулемет, а деревню сожгли...

– Куда ушли люди из деревни? Вы не видели мою мать?

– Она ушла вместе со всеми, и узел ее был не больше узлов других людей...

Не спрашивайте куда – не знаю...

Хо Сик сжимает голову руками.

Напротив подъезда – трамвайная остановка. Женщины, дети встречают мужей и отцов. К выходящему из трамвая молодому человеку подбегает девушка с зонтиком. Они уходят по широкой площади.

Монах долго провожает их взглядом, потом, вздохнув, говорит:

– Нам нечего здесь ждать... Мы никому не нужны...

Хо Сик молчит.

– Я пойду к храму. Может быть, меня там приютят на ночь. Мы ещё увидимся...

Монах уходит.

Косые струи дождя хлещут железные крыши высоких зданий, поднимающихся над городом. Вода стекает на соломенные крыши, потемневшие от сырости, льется в прогнившие дыры. Между глинобитных хижин по пустынному переулку, превратившемуся в сплошную лужу, бредет Хо Сик. На заборах и телеграфных столбах висят наполовину отклеившиеся, плакаты:

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ НЕЗАВИСИМОСТЬ!»

Разваливающиеся ботинки Хо Сика утопают в уличной грязи.

Ящик чистильщика обуви. На нем стоит офицерский сапог. Чьи-то руки порочно орудуют щёткой и бархатом. На сапоге отражается уличная жизнь...

Это руки Хо Сика. Он сидит около ресторана, из открытых дверей и окон которого доносятся звуки джаза. Офицер любит усердием Хо Сика.

– Неужели тебе приходится работать с утра до вечера, не поднимая головы? Бедняга...

– Что делать? Если не чистить ботинки, то карманы никогда не загрязнятся от презренных денег...

– А ты любишь деньги? – подмигивает офицер.

– Они меня не любят и предпочитают других...

Офицер переставляет ногу. Хо Сик смазывает сапог кремом. Улица отражается на нем, как в тумане. Хо Сик бархатом наводит блеск. Улица отражается, как в зеркале. Видно – проходит отряд солдат.

– Ты не хотел бы быть среди них? Им не приходится думать о деньгах и о ночлеге. Они ведут жизнь настоящих мужчин.

– Зачем мне идти в армию? Войны пока нигде нет...

– Как нет?! Я только что приехал с тридцать восьмой параллели. Там каждый день перестрелка!

– Разве там война?

– Не беспокойся – скоро будет настоящий фронт. Я советую тебе вступить в армию добровольцем, а не дожидаться мобилизации. Если ты истинный сын Кореи, то должен проявить мужество... Ну, желаю удачи. Помни, что я сказал!

Офицер бросает монету в жестяную миску и уходит. Хо Сик открывает ящик, чтобы спрятать деньги. На крышке приклеена фотокарточка Бон Не.

– Какая красавица! Невеста?

Хо Сик поднимает голову и видит переносчика писем.

– А, старый знакомый! Здравствуйте...

– Здравствуйте. Да, это моя невеста...

Переносчик присаживается рядом.

– Не живет ли она на Севере? Я встретил там точь-в-точь такую девушку...

– Где вы ее видели?

– Около тридцать восьмой параллели.

– Как ее зовут?

– Не спросил. А вашу невесту как зовут?

– Бон Не...

– В этот раз обязательно спрошу.

– А вы опять на Север?

– Да.

– Она не вышла замуж?

– По-моему, нет. У нее была длинная коса... Почисть мне ботинки! Я суверен.

Мне кажется, что чистка ботинок принесет счастье...

Хо Сик чистит ботинки.

– Как там на тридцать восьмой параллели?

– Там сосредотачиваются армии. Очень беспокойно.

– Как же вы переправляетесь?

– Без риска нет денег...

Хо Сик кончил чистить. Переносчик бросает деньги.

– Что-нибудь передать невесте?

– Если увидите, то передайте, что я буду ждать ее...

– Передам, чтобы она не выходила замуж за другого. Ну, прощайте. Через неделю увидимся...

Переносчик уходит.

Ночь. Переносчик писем подходит к Ивовому берегу.

В ночной тишине слышны шаги многих людей, лязг оружия, приглушённые команды. На берег выходит знакомый нам капитан. Он смотрит на фосфоресцирующий циферблат часов. К нему подсакивает адъютант.

– Можно рассаживаться...

Солдаты садятся в резиновые лодки.

Деревня спит – погашены огни. Вдруг в тёмном небе вспыхивает сигнальная ракета. Чёрные тени солдат приближаются к деревне. Выстрелы, лай собак, крики, плач... Вспыхивает широкое пламя. По полю бегут крестьяне. Вслед им летят пулеметные очереди. Падают люди. Солдаты врываются в дома...

Из одного дома на краю деревни выбегает девушка и бежит в сторону рощи. Солдат сильно бьет её прикладом. Она падает. Солдат поднимает её голову за длинную косу. В отблеске пламени видно лицо Бон Не. Из кустов выскакивает переносчик писем и бросается на солдата. Солдат даже не успеваает поднять карабин, как железные тиски рук перехватывают его горло. Беспомощно взмахнув руками, солдат мешком валится на землю.

Переносчик писем поднимает Бон Не на руки и скрывается в роще.

Город Северной Кореи. На фоне разрушенной церкви стоит Бон Не в форме солдата Корейской Народной Армии.

Сеул. Сидит Хо Сик перед своим ящиком. В ресторане звенит посуда, кричат пьяные голоса, смеются и визжат женщины. На улице появляется одноногий человек. Он слегка пьян. На нем военная форма без погон.

Ловко вскочив на одной ноге на ящик, он кричит:

– Ну, чисть! Что смотришь?!

Хо Сик молча смотрит на него.

– Чисть, говорю... В госпитале это была моя единственная мечта!

– Мне все равно... – Хо Сик старается не замечать его деревяшки.

– Да, тебе, конечно, все равно. У меня тоже были крепкие ноги!

– Где это тебя?

– Где? На фронте... На тридцать восьмой параллели...

– Разве там такая жестокая война?

– Офицеры говорят, что скоро возьмут Пхеньян. А я Пхеньяна не видал... Друг, спасибо, ты исполнил мою самую заветную мечту!

Инвалид соскакивает с ящика и, подпрыгивая, словно издеваясь над неровным течением жизни, скрывается в толпе.

На перекрёсток выезжают три грузовика с американскими солдатами... Солдаты быстро разбегаются по улицам и переулкам, оцепляя все проходные дворы. Бегут прохожие... Заливаются полицейские свистки...

Это – облава.

Хо Сик ныряет в переулок, бросив свой ящик на улице. Солдаты втаскивают мужчин в кузовы грузовиков...

В знойном степном мареве по раскаленной полуденной дороге мчится грузовичок... Дребезжание его кузова далеко разносится по пустынной степи.

На повороте с подножки соскакивает человек и, помахав рукой шофёру, уходит в степь...

Заросшая сорной травой насыпь у брошенной железной дороги. Между перегнивших шпал и проржавевших рельсов пробились жёсткие стебли полыни... На насыпь взбирается человек. Это – Хо Сик. Зорко и настороженно оглянувшись по сторонам, идет в сторону виднеющихся вдали гор.

Посреди шпал вбит столб. На нём доска: «ЗАПРЕЩЁННАЯ ЗОНА». Хо Сик проходит мимо.

По дороге, поднимая тучи белой пыли, проносятся военные грузовики, закрытые брезентовыми чехлами, громяют тягачи, шагают пропыленные и пропотевшие солдатские роты. В обратную сторону по обочине дороги идет Хо Сик, конвоируемый двумя солдатами и офицером из военной полиции.

Ночь. В ветхой фанзе с низким потолком и покрякивающимися стенами расположен пункт военной полиции. Стоят Хо Сик и трое крестьян.

Сержант – начальник конвоя докладывает дежурному офицеру:

– ...Задержаны в районе боёв, господин офицер. Говорят: шли домой, по деревням. Документы в порядке...

Офицер вылезает из-за стола и подходит к арестованным:

– Мерзавцы! Родина охвачена огнём войны, а вы пошли отлёживаться на циночках? За это вас мало расстрелять!

Крестьяне и Хо Сик стоят, опустив головы.

– Чтобы вы могли испкупить свою страшную вину, я отправлю вас в действующую армию...

На дворе слышится шум. Из тёмных сеней в фанзу входит лейтенант:

– Привели, господин капитан... Разрешите привести приговор в исполнение?

– Пойдите...

Капитан круто поворачивается к крестьянам и Хо Сик:

– Я дам вам возможность совершить первый подвиг, хотя вы не стоите этого...

Марш во двор!

Он шепчет лейтенанту:

– Вызвать усиленный конвой...

Лесная поляна. Посреди неё возле свежеврытой ямы стоят два оборванных человека...

За кустами гудит грузовик, освещая поляну мощными фарами.

– Пять шагов вперёд!

В пятно света входят Хо Сик и арестованные крестьяне.

У них в руках карабины.

– Прицел!

Линия карабинов колышется – у крестьян дрожат руки.

Капитан опускает дуло карабина Хо Сика:

– Ты хочешь встать вместе с ними?

– Огонь!..

Одинокий выстрел...

– Стреляйте же, черт вас возьми!

Раздается нестройный залп. На куче земли лежат два трупа.

Капитан сталкивает их в яму и возвращается к крестьянам и Хо Сик:

– Молодцы! Вы вели себя героями... Теперь красные не простят вам этого.

Ведите себя на фронте так же мужественно и решительно! Сейчас вы отправитесь в тыл, в полк.

Стоят бледные крестьяне и Хо Сик. В их глазах – растерянность и ужас. Их сажают в грузовик. Машина трогается.

По широкой дороге мчится грузовик, в кузове которого Хо Сик и арестованные крестьяне. На перекрестке машину останавливает патруль.

К капитану, сидящему в кабине, подходит командир патруля:

– Здесь задержаны несколько дезертиров, захватите, пожалуйста, их с собой.

У обочины дороги стоят задержанные патрулем. Среди них монах. Их сажают в машину. В грузовике в углу сидит Хо Сик. Он по привычке чистильщика смотрит вниз. Перед его глазами ноги в драных, грязных туфлях, которые он никогда не чистил... Чья-то рука трогает его за плечо. Перед ним монах.

– Вот мы снова и встретились...

За высокими кирпичными заборами с вмазанными осколками стекла расположены корпуса казармы. На дворе казармы свалена большая груда разных ботинок. Новобранцы, одетые в военную форму, проходят мимо и бросают в кучу старую обувь. Груда растёт.

У забора стоят Хо Сик и монах. Монах разглядывает свой новый костюм.

– На этом костюме много знаков, говорящих о смерти...

– Говорят, что сегодня убежали двое, но их арестовали... Наверняка – расстреляют... Бежать некуда. Корея не такая большая страна.

– Да и то теперь осталась половина!

Они смотрят через дыру в стене на улицу. Монах грустно улыбается:

– Там совсем другая жизнь. Раньше она мне казалась суетливой и грязной. Теперь я вижу в ней только одно – свободу!

– Три месяца нас отсюда не будут выпускать.

– Меня всё равно никто не ждет!

В щели появляется лицо молодой женщины:

– Позовите, пожалуйста, моего мужа... Его зовут Ин Чел...

Хо Сик кричит во двор:

– Ин Чел! Иди сюда!

К щели подбегает молодой солдат. Товарищи со всех сторон окружили его, чтобы начальство ничего не заметило.

Женщина утирает слёзы маленькими кулачками:

– Как мне жить без тебя...

– Успокойся... Скоро война кончится, и я вернусь...

Солдаты тихо говорят между собой:

– Те, кто сегодня убежали, были женаты?

– Думаю, да. Сам видишь, что такое жена...

Монах задумчиво смотрит на печальное лицо Ин Чела.

– Я раньше никогда не думал о женитьбе, но теперь глубоко задумываюсь над этим. Обидно умереть, не зная ни одной женщины. Я обязательно познакомлюсь с какой-нибудь хорошей девушкой. Тогда она будет думать обо мне...

Раздается команда:

– Становись!

Солдаты бегут к линейке. Ин Чел крепко сжимает руку жены на прощание и тоже бежит... Солдаты построились. Перед ними стоит тот самый офицер, ботинки которого чистил Хо Сик.

Сосед Хо Сика по строю шепчет ему:

– Это бывший офицер японской армии. Я его точно помню...

– Не разговаривать! – обрывает его офицер. – Сегодня был неприятный случай. Расстреляли двух дезертиров. Этот случай будет вам хорошей наукой. Кто посмеет бежать из армии, тот должен быть расстрелян!

В это время к нему подходит другой офицер. За ним следует переносчик писем.

– Этого дали вместо расстрелянного.

Капитан приказывает переносчику:

– Становись в строй по росту.

Переносчик становится рядом с монахом.

– Какая судьба!

– Судьба! Ну что же, придётся нам вместе вернуться на Ивовый берег...

Ночь. Казарма спит. В караульном помещении горит свет. Там собрались часовые из отделения Хо Сика. В комнату входит переносчик писем.

– Сегодня последний день. В штабе, уже не скрывая, говорят об этом. Завтра на рассвете мы отправимся на фронт.

– Это точно, Дал Хо? – спрашивает Хо Сик.

– Они говорили это при мне...

– Черт возьми! Напиться бы...

– Вот идея! – обрадовался Дал Хо. – Ребята, давайте рискнем. Весело расстанемся с жизнью... Деньги на стол – всё равно некуда их тратить. Я побегу за вином.

Солдаты кладут на стол деньги. Ин Чел роется в карманах.

– Я хотел их отдать жене, но видно, уже поздно. Увидеть бы её...

– Ну что ж, пойдем вместе. Я тебя провожу.

– Опасно! Накроют жандармы и будут считать дезертиром...

– Твоя жена слишком очаровательна, чтобы оставить ее без свидания. Ты поможись на меня – я её приведу. Идёт?

– Она живёт у Восточных ворот...

– Разыщу... Ну, ребята, я пошел.

Монах отзывает Хо Сика в сторону.

– Смотри, что я нашел в штабе на полу...

Он показывает фотокарточку девушки.

– Теперь, я имею самую красивую девушку среди вас всех!

– Да, хороша...

– Как ты думаешь, она скромная или нет?

– Скромное лицо. Может быть, она тебя полюбит... Все-таки это только копия – не больше.

– Почти у всех вас есть жены или невесты... Но где они? У вас остались одни копии... У вас остались воспоминания – их ласки, их голоса... А у меня нет ни воспоминаний, ни отзвука её голоса – ничего. Но у меня есть мечта – встретить её... После того как я поглядел в узкую щель забора на улицу, мне захотелось жить среди людей. Искать эту девушку, рисковать ради неё, носить её на руках... Где она живет? Почему её фотокарточка оказалась в штабе?..

Монах с тоской обводит стены взглядом:

– Как мне выбраться отсюда!

Хо Сик пристально глядит на него:

– Ты красивый парень. Тебя должны любить...

Входит Дал Хо с бутылками и ставит их в угол:

– Ну вот. Всё в порядке. Ин Чел, иди сюда...

На улице белеет костюм молодой женщины. Ин Чел бежит к ней.

Дал Хо возвращается в комнату:

– Давайте, ребята, выпьем!

На стол ставят кружки. Дал Хо разливает вино. К окну подходит капитан с другим офицером. Тот возмущается:

– Безобразие! Пьянствуют на карауле!

Капитан успокаивает его:

– Не шуми! Пускай пьют. Мне легче работать с пьяными. стакан вина полезнее десяти угроз...

Оба тихо удаляются.

В ночной тишине разносится сигнал тревоги. Во двор сбегаются солдаты, из всех корпусов. Чётко строятся роты. В тишине раздаётся команда:

– Первая рота – шагом марш!

Отряды проходят через ворота.

Отряд идет по дороге. Занимается медленный пасмурный рассвет. По обе стороны дороги – развалины взорванных домов и воронки. Стоит обугленное дерево. Стрелка дорожного указателя указывает на дно воронки...

– Эта дорога ведёт к нашей деревне, но мне не хочется идти туда... – говорит Хо Сик.

– У меня ослабли ноги. Я еле двигаюсь... – откликается монах.

– На фронте мы всегда будем вместе. У меня странное предчувствие, что с тобой я не погибну... – тихо продолжает Хо Сик.

– И мне кажется, что с тобой меня не убьют...

Мимо проходит встречный отряд – солдаты усталые, худые, оборванные. Их мало – кучка грязных людей, идущих вразброд.

– Смотри, они всё-таки возвращаются... – замечает Хо Сик.

– Их должно было быть столько же, сколько нас. Фронт – это могила, не имеющая дна, – в голосе монаха звучит печаль.

Издали доносится артиллерийская стрельба.

Вечерние сумерки. На обочине дороги расположились на привале солдаты, возвращающиеся с фронта. Дымит полевая кухня, звенят котелки. Под деревом, окруженная солдатами, сидит мать Хо Сика. Она моет рис в медном тазу.

– ...А почему ты не ищешь его среди нас? – спрашивает солдат с марлевой повязкой на шее, открывая консервную банку.

Мать поднимает голову:

– Моего сына не может быть среди тех, кто стреляет в своих близких! – говорит она строго.

– Эх, мать... В наше время не приходится задумываться над тем, что делаешь... – помолчав, отвечает солдат.

Ночь... На вершине горы в мохнатых соснах запуталось желтое, совиное око луны... Серебрится водопад, словно Млечный Путь, упавший с облачных высот... Шум его, едва слышно, доносят волны теплого ветра...

На склоне горы черными змеями извиваются окопы. Солдаты убаюканы летней застоявшейся тишиной. Глядя на низкие звезды, жемчужинами усеявшие бархат южного неба, тихо разговаривают Хо Сик и монах...

– Странная тишина... Я не думал, что там, где воюют, может быть так... – замечает монах.

– Да, мертво... Как будто сидишь в могиле... – откликается Хо Сик.

– Вероятно, так и будет...

Шуршит, осыпаясь со стенок окопа, сухая земля.

– Извини меня, я до сих пор не знаю, как тебя зовут...

– Ма И... – представляется монах. – Пишется точно так же, как у того принца, который был отшельником...

– Хорошее имя... Ма И, не будем говорить о смерти...

Внезапно над горой разносится звук металлического шелчка... Это громкоговоритель. Спокойный голос Бон Не начинает речь:

– Добрый вечер, южные солдаты, прибывшие сегодня!.. Зачем вы пришли сюда, к древним горам?

– Это фея горы! – с ужасом шепчет монах...

– В кого вы будете стрелять?

Проснувшиеся солдаты испуганно вглядываются в горные тени...

– ...Здесь ваши отцы, жены, сестры... Чьими пулями вы будете стрелять?..

Оружием иностранцев вы будете убивать своих близких!.. Посмотрите на ваши винтовки!

Хо Сик подносит к глазам ложе винтовки. На нем четкая надпись U.S.A.

Вдоль окопа бежит взбешенный капитан:

– Олухи! Слушать мою команду!.. Ориентир первый!

Солдаты прицеливаются в одинокую сосну на вершине, за которую зашла луна...

– Огонь!

Солдаты стреляют в луну...

– Огонь!

Залп вразброд...

Сквозь выстрелы доносятся слова:

–...Но вы... голос своей совести... родина... века порабощения... чужестранцы...

Выстрелы стихают. Эхо последнего улетело в горы... Льется мелодия колыбельной песни...

Ма И хватает Хо Сика за руку:

– Хо Сик, ты слышишь?

– Да... Ты знаешь, я еще не видел своего врага. Но почему-то слово «враг» внушает мысль о каком-то жестоком и отвратительном существе, с которым у тебя нет места на земле – или ты, или он...

– Там, наверное, тоже корейцы...

Горная пещера. Стены и потолок ее теряются в затаенном мраке... Мигающая лампа, сделанная из орудийной гильзы, выхватывает из мрака группу раненых солдат Северной армии...

Слышен ровный гул водопада.

Возле лежащего на спине солдата с забинтованной головой сидит Бон Не. Из-под тугой марли слышится слабый юношеский голос:

– Сестра, я скоро умру... Да, да... Достаньте из моего кармана узелок...

Бон Не осторожно вытаскивает узелок и развязывает его. Там осколки посуды из фарфора...

– ...До войны я учился в школе... Это осколки вазы эпохи Ко Ре... Отдайте в какую-нибудь школу... Все-таки одно полезное дело я успел...

Он с трудом поворачивает голову и прислушивается к гулу водопада. Запекшиеся губы его начинают снова шевелиться:

– ...Шумит водопад. Вода разбивается о камни на миллионы разноцветных брызг... Разлетается в тонкую пыль...

Голос его звучит хрипло, бредово.

– ...Сквозь туман водяной пыли красиво и прохладно серебрится водопад...

Водяная пыль поднимается из ущелья... Густеет туман...

У водопада клубится водяная пыль.

– ...Глубокий колодец, в зеркале дна можно видеть свое лицо... Перед глазами водопад, а я даже перед смертью не могу напиться...

Бон Не пристегивает фляжку к поясу и тихо выходит из пещеры в звездную ночь...

Окопы по ту сторону водопада, невидимого из-за сосен и скал... У амбразуры стоит Хо Сик. Положив винтовку на бруствер, он смотрит на медленную череду огромных звезд, на рыжую луну в зените...

В ночной темноте поет чья-то флейта, и чистые трели ее сливаются с гулом водопада, с тихим шумом сосен...

Из блиндажа вылезает капитан. Он смотрит на светящийся как волчий глаз циферблат часов.

– Через десять минут – начнем...

Хо Сик молчит... Капитан оглядывает скалы.

За водопадом между скал мелькнула человеческая тень. Это Бон Не...

Капитан дергает Хо Сика за плечо:

– Ну, что же ты!

Хо Сик нехотя берет винтовку, нарочито долго прицеливается, устанавливая локти на бруствере.

Капитан нетерпеливо вырывает у него винтовку и передергивает затвор:

– Эх ты, пень...

Бон Не ползет между камнями. Она выползает на площадку, залитую лунным светом. Гремит одинокий выстрел. Пуля шелкнула где-то рядом. Бон Не замерла. На горы снова опускается тишина. Бон Не ползет дальше. Там, где она только что лежала, сухая земля жадно всасывает воду, вылившуюся из пробитой фляги.

Бон Не входит в пещеру. В том углу, где лежит юный солдат, собрались раненые... Бон Не снимает фляжку с пояса. Раненые молча расступаются перед ней... Голова юного солдата неловко повернута. Грязная щека прижата к холодному камню. Он мертв.

Бон Не устало садится рядом и протягивает флягу ближайшему раненому. Тот принакает к ней. Потом, чувствуя взгляды товарищей, отнимает ее от губ и, сделав вид, что напился, отдает флягу следующему...

Фляга обходит всех солдат, но ни один из них не пил воды, которой там не было, каждый, прикладывая ее к губам, делал вид, что пьет, оставляя воду тому, кому она нужнее...

Бон Не, принимая флягу от последнего солдата, лежащего в углу с перебитыми ногами, спрашивает:

– Ну как, все напилься?

– Все... Спасибо, сестрица...

В пещеру входит солдат, придерживая забинтованную руку на груди, как спящего младенца. Бон Не усаживает его на камень и достает санитарную сумку.

- Что у вас там происходило?
– Отбивали атаку... – морщась от боли отвечает солдат.
– Отбили?
– Отбили...

Ночное поле после атаки. Дымятся обугленные стволы сосен. Черными кочками разбросаны трупы. Сверкают обломки штыков...

Нелепо расставив руки, спотыкаясь о сломанные винтовки, бредет солдат с перевязанными глазами. Это Хо Сик. Он задевает ногой тело солдата в форме Народной Армии, шарахается и падает на бок, мучительно застонав. Тело зашевелилось...

– Кто там? – испуганно спрашивает Хо Сик.

Слышится долгий стон...

– Кто там?.. Отвечайте... Я не вижу... Я подойду на голос...

– Сюда... Идите сюда...

Хо Сик подползает ближе.

– Я вижу – ты из южной армии...

– А ты?

– Я с Севера...

Оба лежат молча.

Хо Сик шепчет:

– Неужели это смерть!

– Слушай, друг... Я не могу двигаться, но у меня здоровые глаза. А ты не видишь, но можешь ходить. Я буду указывать тебе дорогу, а ты помоги мне идти...

Хо Сик несет на спине раненого северного солдата. Они проходят мимо глубокой воронки. ...

Наконец их ноги утопают в дорожной пыли...

– Вот и дорога! – говорит северный солдат.

– Она широкая?

– Да...

– Ты не видишь дерева?.. Шелковицы?

– Там что-то темнеет... Должно быть... Да, это дерево.

– Нет ли дома около дерева?

– Есть что-то похожее на дом...

– Если это та самая дорога, то я не ошибаюсь – это мой дом...

Они подходят к развалинам.

– Дома нет... – говорит северный солдат.

– Ничего не осталось?

– Только одни камни... Давай отдохнем немного...

Они присаживаются на камень.

Северный солдат поднимает резиновую туфлю:

– Здесь женская обувь...

– Это, наверное, мать оставила...

Хо Сик берет туфлю:

– Я ослеп... Больше никогда не увижу ее...

Ночные тени рассеиваются. Над горизонтом светлеет полоса облаков...

Северный солдат кладет руку на плечо Хо Сику:

– Послушай, друг, скоро рассвет. Нам остается мало времени...

Они снова идут по дороге. Вдруг Хо Сик останавливается и тревожно спрашивает:

– Куда мы идем?

– Как куда?.. А! Я забыл, что ты с Юга... Я указал дорогу на Север... Пойдем со мной...

– Я – слепой... Со мной далеко не пойдешь...

– Все-таки вдвоем лучше... Мы почти пришли...

– Я боюсь. Я слышал – у вас убивают пленных!

– У нас не убивают. Я за тебя отвечаю...

– У нас тоже так говорят, но убивают... Я сам убил человека. Меня никогда не простят...

– Ну что же, нам придется расстаться?

– Я хорошо знаю эту дорогу... Я бегал по ней в детстве. Кто бы мог подумать, что мне придется ползти по ней слепым. А ты что будешь делать?

– Не беспокойся... Отсюда недалеко до наших окопов – я поползу...

– Ну, прощай...

Северный солдат достает из кармана компас:

– Подожди, я дам тебе компас.

– Он мне не нужен, я не вижу...

– Я выломаю стекло и загну южный конец стрелки. Ты будешь щупать пальцем...

Он бьет компас о камень и убирает осколки стекла:

– Готово! Загнутый конец стрелки – на юг... Прощай!

– Прощай!

Хо Сик встает с обочины, выходит на середину дороги и, вытянув впереди себя руки, начинает шагать...

Он шагает прямо на покосившийся пограничный столб. Налетев с размаху, он ошупывает стрелку указателя.

– Север... Юг...

Хо Сик идет, не сгибая ног, ошупывая воздух...

Над глубоким ущельем, откуда поднимается сырой туман и слышится неуловимый гул реки, вьется тропинка. По ней поднимается мать Хо Сика.

Внезапно на дорогу падает камешек.

– Мать, куда ты идешь? Здесь опасно...

За камнем сидит партизан, замаскированный свежими сосновыми ветками.

– Я ищу сына. Может быть, он среди вас?

Партизан показывает ей дорогу:

– Иди прямо по тропинке и дойдешь до следующего поста. Там тебя проведут...

– Спасибо...

Мать идет дальше...

Дремучий сосновый бор. Здесь стоит лагерем партизанский отряд. Командир отряда беседует с матерью:

- Вы точно знаете, что ваш сын здесь?
- Нет... В деревне мне сказали, что, может быть, он у вас.

Мимо проходит группа партизан, возвращающихся с задания. Они оборваны и грязны.

- Посмотрите, может быть, он среди них...
- Вы откуда? – спрашивает мать партизан.
- Были у бывшего железнодорожного моста... Теперь его там нет...

Мать выбирает среди них самого оборванного, развязывает узелок и достает мужской полотняный костюм.

– Вот уже целый год я хожу с надеждой снова одеть сына. Возьмите его, пожалуйста... Если мой сын не в вашем отряде, то, может быть, в другом...

- Спасибо, мать...
- Вы оставайтесь у нас... – предлагает командир.

– Мне уже недолго жить. Хочу повидать сына перед смертью, обойду всю Корею... Мне пора идти.

Командир ломает ветку – посох на дорогу:

- Наверное, ваш сын на Севере... Вам лучше туда перебраться...
- Если не найду его на Юге – пойду туда... Спасибо за все. Прощайте!
- Прощайте, мать...

Мать медленно спускается по горной тропинке.

Среди буйной зелени старого сада стоят белые домики тылового госпиталя. По дорожке, вьющейся среди кустов терновника, гуляют Хо Сик и молоденькая сестра милосердия. Она отводит рукой колючие ветки, свесившиеся на тропинку.

- Я не знаю до сих пор – где находится госпиталь? Среди домов или в поле?
- На окраине города. Кругом поле.
- Сейчас осень. Наверное, колосья пожелтели. Я давно не видел, как они качаются на ветру... В этом году урожай хороший?

Медсестра смотрит на поле, огороженное колючей проволокой. Там стоят американские танки, покрытые чехлами, в строгом порядке расположились черные пирамиды артиллерийских снарядов.

- ...Выздоровею и посмотрю сам....

Хо Сик нащупывает рукой столб, потом, проводя рукой по проволоке, натывается на колючки:

- Ой!.. Ага, понятно – это берегут пшеницу от скотины...
- На фронте очень стреляют? – старается перевести разговор на другую тему медсестра.

– Это вы должны заметить по нашим шкурам... У вас там жених?

- Брат. Только он на той стороне...
- На Севере... Куда указывает компас...
- Что вы сказали?

– Нет, ничего. Я вспомнил одного человека...

Медсестра подводит его к скамейке:

- Вы посидите, я сейчас приду...

Она уходит.

Осенние лучи солнца в последней ласке согревают деревья, цветы и траву. Хо Сик глубоко вдыхает сырой запах цветов. Он начинает осторожно пробираться к ним, останавливаясь и как бы нащупывая запахи...

Цветы растут за колючей проволокой, там, где висит доска:

ЗОНА АМЕРИКАНСКОГО ГОСПИТАЛЯ.

Хо Сик наталкивается на ограду. Подоспевшая медсестра берет его под руку.

– Что это за колючие провода? Чтобы никто не сломал цветы?.. Я хотел подарить вам красный цветок...

– Спасибо, но нельзя же топтать цветы, тем более, что вы не найдете здесь ни одного красного...

Они идут дальше.

– Врач сейчас сказал мне, что завтра снимут ваш бинт...

– Неужели я снова увижу свет! Неужели я снова увижу и вас, и поле, и цветы.

Крыльцо госпиталя. Открывается дверь, выходят Хо Сик и медсестра.

Хо Сик щурится от ослепительного света. Он с улыбкой медленно, осторожно открывает глаза... Оглядывается вокруг... Цветы, колючая проволока, доска:

ЗОНА АМЕРИКАНСКОГО ГОСПИТАЛЯ...

По его лицу пробегает тень, он смотрит на поле. Там стоят американские танки, покрытые чехлами, в строгом порядке разместились черные пирамиды артиллерийских снарядов...

Хо Сик поворачивается к медсестре:

– Спасибо, сестрица... Я обязательно найду цветок для вас! В другом месте...

Прощайте...

Хо Сик идет по большой дороге. Мимо него проходит отряд новобранцев. Хо Сик шагает в стороне от них.

Приближается встречный отряд. Солдаты встречного отряда – усталые и грязные. В отряде мало солдат. Хо Сик видит среди них Ма И, подбегает к нему.

– Ма И!

– Вернулся!

Хо Сик становится рядом с Ма И.

– Мы меняем позицию... Твое зрение поправилось?

– Даже лучше, чем раньше!

Горит костер. В котле варится рис. Возле костра сидят Хо Сик и Ма И.

– А где Ин Чел? Я его не вижу.

– Убит позавчера...

– Когда? Где?

– Капитан послал его днем на водопад за водой. Капитану очень хотелось пить.

Он упал перед моим окопом.

– Ещё одна вдова...

Хо Сик вытаскивает из кармана старую газету и табак, свертывает папиросу. Ма И тоже берет газету. На газете изображена та самая девушка, фотография которой хранится у него. Над снимком заглавие: «Казнь красной».

Ма И застывает от ужаса.

Подходит капитан. Все встали смиренно. Ма И сидит.

– Ты что, первый день в армии? Встать!

Ма И встает.

– Что надо делать, когда приходит начальник?

Ма И молчит.

– У тебя нет языка, скотина? Пойдете в разведку: ты...

Он указывает на Ма И...

– И ты!

Он указывает на Хо Сика и уходит.

Бледный Ма И поворачивается к Хо Сику.

– Когда я стрелял на северную сторону – я ничего не чувствовал. У меня тогда не было врагов. А теперь я ненавижу американцев и своих офицеров!

– Когда я выходил из госпиталя, я думал тоже об этом...

– Мне хочется убить его!

– Не говори глупостей...

Хо Сик вытаскивает компас без стекла:

– Это я получил от одного северного солдата. Тогда я был слеп – я ощупывал его. А теперь я вижу...

Уже стемнело... Костер погас. В темноте ярко горит стрелка компаса, указывающая на север...

Ночь. Белеющая в темноте дорога тиха и пустынна. По обочине пробираются Хо Сик и Ма И. Вдруг в небе загорается осветительная ракета. Ее яркий предательский свет ровно ложится на дорогу, на поле, на рощу, темнеющую неподалеку. Хо Сик и Ма И падают на землю.

Впереди чернеет странная тень. Хо Сик вглядывается.

– Это труп... Пойдем через лес, стороной...

– Я первый раз в разведке... Страшно с непривычки...

Они ползут по полю. Наконец добралась до рощи. Ма И поднимается с земля, отряхивает колени.

– Скоро мы превратимся в животных... Вот уже три года мы только ползем и ползем. Наши руки станут ногами...

Хо Сик осторожно отводит ветви. Перед ними развалины деревни. Только один дом уцелел. В окошке слабо горит огонь.

– Там люди...

– Может быть, это враги...

– Я знаю только одного своего врага – это я сам. Все остальное проходит мимо... Пойдем!

Сквозь тусклое стекло фанзы трудно разобрать, что делается внутри. Хо Сик рывком распахивает дверь.

– Тихо! Ни с места!

Он освещает комнату фонариком. На полу лежит, всхлипывая, старуха. Она прикрывает своим телом дрожащую девушку лет восемнадцати.

– Сжальтесь... Сжальтесь над моей дочерью...

– Кроме вас здесь никого нет?

- Нет никого... Сжальтесь!
- Почему вы здесь?
- Я больна и не могу ходить...

Хо Сик наклоняется к ним:

- Мамаша, уходите отсюда. Скоро здесь начнется бой...
- Испуганная старуха молчит. Хо Сик и Ма И выходят во двор.

На опушке леса Ма И оглядывается:

- Смотри!

Возле дома, который они только что покинули, стоят три американских солдата.

Четвертый выволакивает наружу девушку, затыкает ей рот полотенцем.

- Помогите!.. Помогите!

Хо Сик и Ма И не успевают вскинуть винтовки, как раздаются чьи-то выстрелы. Два американца падают...

Хо Сик и Ма И тоже стреляют. Американцы уничтожены. Девушка бежит к роще. Добежав, падает на руки Ма И.

- Спасибо, вы меня спасли...

Хо Сик успокаивает ее, гладит ее распустившиеся волосы.

- Не мы спасли вас. Кто-то стрелял вон оттуда...

- Кто они?

- Не знаю. Может быть, враги...

- Как враги? Они же спасли меня?

Хо Сик смотрит на Ма И.

- Они вам не враги. И мы вам не враги. Но между собой мы воюем...

- Кто бы они ни были – это добрые люди...

Ма И снимает с пояса фляжку и встряхивает ее. Фляжка пуста.

- Я вас попрошу... Во дворе вашего дома колодец. Наберите, пожалуйста, воды.

Нам опасно выходить отсюда...

Девушка берет фляжку и идет к колодцу.

Вдруг из-под сарая раздается тихий голос:

- Не пугайтесь... Это мы стреляли...

Девушка всматривается в тень. Там лежат два солдата Северной армии.

- Вы не могли бы дать нам напиток?

Девушка достает из колодца ведро, наливает воду во фляжку и подает. Они жадно пьют.

- Спасибо... У кого вы только что были? Они северные или южные?

- Я не знаю... Они хорошие люди!

- Ну ладно... Отнесите и им воды. Ведь они послали вас за ней?

- Да.

- Ну, прощайте...

Северные солдаты уходят, прячась в тени развалин.

Девушка возвращается в рощу. Хо Сик с жалостью смотрит на ее бледное лицо.

- Послушайте меня, вам надо уйти отсюда!

- Куда нам идти? Вокруг война...

– Куда хотите... Идите на север... Во всяком случае, там нет американцев...
На востоке бледнеют звезды...

– Ну, нам пора идти... Вот походная аптечка. Может быть, это пригодится
вашей матери...

– До свидания...

– Прощайте!

Хо Сик и Ма И уходят в рощу.

Из-за туманных гор приползли низкие черные тучи.

Равнину, где над тусклой водой торчат редкие метелки неубранного риса, заволокло сеткой моросящего дождя.

Бой затих.

На дне окопа, по пояс в жидкой грязи, сидят солдаты: одни курят, прикрывшись мокрой шинелью, другие размачивают под дождем черствые галеты, третьи смотрят перед собой оцепенелыми глазами...

Странно и хрипло звучит мелодия «Ари Ран». Это Дал Хо играет на отсыревшей флейте.

Возле темной норы блиндажа дремлет Хо Сик. Ма И, облокотившись на бруствер, всматривается в размытые очертания далеких гор.

– Знаешь, брат, я только сейчас заметил, что мы воюем недалеко от наших мест. Если глядеть вон на те деревья, что у дороги, то можно увидеть и твою деревню, и мою гору. А наводнение – это вода из нашей реки...

– Ты поосторожнее – у них меткие стрелки.

По брустверу пробежала крыса, монах столкнул ее в воду прикладом... За ней – другая, третья...

Хо Сик с трудом вытаскивает завязнувшие ноги.

– Однако воды прибавилось...

Солдаты стараются удержаться на скользкой, глинистой стенке окопа – и падают на дно, в жидкую грязь...

Вода заметно заливает окоп.

Хо Сик, подтянувшись на руках, осторожно высовывает голову из окопа.

Тишина. Кругом – вода, только на ничейной полосе торчит несколько тополей.

Хо Сик встает во весь рост. Никто не стреляет. Он помогает взобраться на бруствер монаху. Скоро вся рота выстроилась на осыпающемся под ногами бруствере. Последним вполз капитан. Вымазанный в грязи, он неотличим от своих рядовых. Вода, наполнив окоп, плещется у самого бруствера.

Недалеко от них точно так же спасаются северные солдаты.

Дал Хо насмешливо говорит капитану:

– Ну, господин самурай, что прикажете делать своим солдатам, чтобы они не подохли, как крысы, и сохранили себя для великого дела освобождения Кореи?

Капитан, побледнев от бешенства, хватает его за воротник.

– Я такой же кореец, как и ты, голодранец! Ты еще вспомнишь свои слова!

Дал Хо резким движением сбрасывает его в воду:

– Ты собачий хвост, а не кореец... Не забывай – шальная пуля может прилететь и сзади...

Вода поднялась до пояса. Солдаты прижались друг к другу... Хо Сик с тревогой оглядывается вокруг. На ничейной полосе чернеют несколько тополей, исхлестанных пулеметными очередями... Северные солдаты по воде пробираются к ним.

Хо Сик, махнув рукой товарищам, шагает к деревьям. Солдаты, побросав винтовки, следуют за ним. Они долго бредут, с трудом нащупывая дно. Вдруг Хо Сик скрылся под водой... Ма И вытаскивает его... Хо Сик на минуту задерживается и нащупывает ногами дно... Сзади его толкают солдаты... Хо Сик идет дальше...

Северные и южные солдаты смешиваются... Все идут к дереву. Над ровной водой – только головы.

Северные солдаты неотличимы от южных. Они все корейцы.

Кто дошел до дерева, взбирается на ветки. Скоро все дерево занято солдатами. Хо Сик сидит на нижней ветке. Рядом с ним – сержант Народной Армии, над ним болтаются ботинки Ма И. Сверху раздается его голос:

– Это сидение, наверное, очень долго продлится. Тогда мы – голодные и усталые будем падать в воду один за другим... Положение хуже, чем в аду, – это я уж доподлинно знаю, я пять лет был монахом...

Сержант поворачивается к нему:

– Монах в солдатах? Первый раз слышу... Ты пошел добровольцем?

– Этого еще не хватало! Меня забрали на улице...

– Если ты монах, то ты не солдат, а если солдат, то не монах...

– Ты думаешь, я знаю сам – монах я или солдат?

Северный солдат достает сигареты, завернутые в промасленную бумагу:

– На, покури...

– Дай и мне... – просит монах.

– Разве монахи курят?

– В окопах нечего делать... Научился...

Вьется синий дымок. С верхних ветвей звучит хрипая флейта Дал Хо.

Сержант с иронией смотрит на Хо Сика:

– Как же решим? Вы нас взяли в плен, или мы вас?

Хо Сик молчит. Сержант хлопает его по плечу:

– Эх ты, воин! Вот сейчас ты бросил оружие и похож на мокрую курицу. А завтра, если увидишь меня на мушке, то у тебя даже и не мелькнет мысль о том, что я такой же кореец, как и ты, что моя мать такая же старуха, как твоя, что вашей дивизией почему-то командует американский полковник... Ты, наверное, не любишь задавать себе вопросы?

Хо Сик с мучительной гримасой обрывает его:

– Перестань!

– Что ж, я замолчу... Ты пошел добровольцем?

– Облава...

– Вы живете, как будто в пещере. Не видите ничего, что творится вокруг, не видите, кто сзади вас, потому что там темно, и как бараны стреляете по каждому человеку, который появляется в просвете входа... Так вы можете убить того, кто придет вызволять вас...

Раздается голос монаха:

Пусть гром разрушит скал гряды –
 Глухим рожденный не услышит!
 Пусть солнце блещет в небесах –
 Слепым рожденный не увидит!
 Да, зрячи мы, наш чуток слух,
 Но все же мы – слепоглухие...

Затрещала ветка, на которой сидел монах.

– Черт возьми, мне придется тонуть первым...

– Переходи сюда, у меня ветка покрепче – говорит сержант...

Монах присаживается около сержанта. Тот замечает бледность его лица и дрожь, бьющую тело Ма И.

– Что с тобой?

– Холодно... У меня малярия.

– Вот беда!

Сержант внимает свою шинель и укрывает монаха. Он обнимает Ма И и согревает его своим телом.

– Человеческое тепло согревает всех и всегда... Придвинься ко мне...

Ма И сидит в объятии северного солдата.

Внезапно издалека доносится гул моторов. В ненастных сумерках движутся какие-то тени.

– Танки...

Сержант тянется за автоматом. Все замерли в ожидании.

Стремительно рассекая воду, к деревьям мчатся три американских танка-амфибии с задраенными люками.

Сержант, повесив автомат на шею, карабкается на вершину тополя.

В тишине раздаются две автоматные очереди. Потом пустой щелчок затвора...

– А!.. Ч-черт...

С шумом обламывая ветви, падает в воду бесполезный автомат.

Танки окружили дерево. С лязгом откидывается люк и вылезает американский танкист... Пулемет, укрепленный на башне, пошевелившись, нащупывает сеткой прицела дерево и застывает.

– Солдатам опуститься на танки!

Хо Сик, посмотрев полными слез глазами на вершину тополя, прыгает первым... Широкие площадки амфибии наполняются южными солдатами. На дереве темнеют неподвижные фигуры нескольких северных солдат.

Танкист, не разобравшись в сумерках, повелительно окликает их:

– Исполняйте приказание, свиньи!

Вымазанный в грязи капитан наклоняется к его уху. Танкист кивает пулеметчику:

– Огонь!

Пулемет бьет короткими очередями сначала по нижним веткам, потом выше, еще выше...

Падают в воду один за другим северные солдаты.

Монах смотрит на дерево. Ветви опустели, только наверху остался сержант. Пулеметчик разворачивает пулемет.

Монах бросается на пулеметчика. Сухо щелкает пистолетный выстрел... Ма И, схватившись за грудь, медленно падает в воду.

Два всплеска прозвучали почти одновременно...

Вершина тополя пуста...

Хо Сик привстал и собирается броситься на офицера, но он видит третий танк, на котором нет солдат... Пулеметы, укрепленные на его башнях, наведены на них... Хо Сик сжимает кулаки...

Глухо застучал мотор... Два танка, где сидят солдаты, двинулись обратно... Третий танк следит за ними, прицелившись пулеметами...

Взрыв... Взметнувшиеся комья земли и медленно оседающий дым...

По зеленой низине отступают солдаты Южной армии... Взрывы серыми грибами встают на их пути. У подножия холма из-за дерева выскочил капитан:

– Стой! Назад!

Капитан выхватывает пистолет, но подбежавший Дал Хо в упор выпускает в него пулеметную очередь.

Бежит Хо Сик. Перед ним истершиеся каменные ступени лестницы, ведущие на вершину холма к знакомому нам буддийскому храму. Солдаты бегом поднимаются по лестнице, Хо Сик выскочил на поляну перед храмом. Вдруг впереди него забилось, задрожало ослепительное короткое пламя...

Хо Сик падает. Плечо его медленно окрашивается кровью. Американский пулемет кинжальным огнем расстреливает отступающих солдат. Хо Сик с трудом поворачивает голову. Лестница покрыта трупами его товарищей.

Внизу, между деревьями замелькали зеленые куртки бойцов Народной армии... Снова заработал пулемет. Горячее его дыхание опалает щеку Хо Сика. Бойцы в зеленых куртках залегли. Один из них поднимает винтовку и целится в Хо Сика...

Пулемет неистовствует. Глаза Хо Сика загораются злым огнем... Здоровой рукой он вытаскивает гранату и бросает ее в амбразуру – узкое окно буддийского храма. Взрыв отбрасывает его в сторону. Пулемет замолк. Из амбразур тянется лента синего дыма.

К потерявшему сознание Хо Сикю подходят бойцы Народной армии. Прицеливавшийся в него солдат поднимает его безжизненную голову и кричит вниз:

– Бон Не, здесь еще один, кому нужна твоя помощь...

В белой, залитой солнцем палате госпиталя Народной армии сидят на кроватях раненые. Среди них – Хо Сик. Они все смотрят в окна.

Издали доносятся радостные крики, музыка духовых оркестров.

Хо Сик поворачивается к своему соседу:

– Даже не верится! Я так привык к грохоту и к тому, что на открытом, простреливаемом месте надо прижиматься к земле, что если приду с девушкой на поляну, то сразу же начну рыть себе окоп...

Раненые смеются.

В палату входит Бон Не в наброшенном на плечи белом халате.

Раненые, улыбаясь, отворачиваются к стене. Она присаживается на кровать Хо Сика и целует его в небритую щеку.

– Ну как спал, милый?

Хо Сик здоровой рукой обнимает ее:

– Послушай, а что если нам удрать отсюда через окошко? В день перемирия, до которого не дожид Ма И, мне хочется побывать на его горе...

– Сегодня – разрешаю... Но потом ляжешь в постель на две недели.

Раненые помогают им перелезть через окно. Они прыгают прямо на клумбу с пышными цветами.

Перед буддийским храмом, почерневшим от взрыва, стоят Хо Сик и Бон Не. Хо Сик гладит рукой небольшое сосновое деревцо, нетронутое среди всех невзгод:

– Ма И любил читать эти стихи Сон Сам Муна...

Если спросишь, кем я стану
После смерти, я отвечу:
Над вершиною Пэнлая
Стану я сосной высокой.
Пусть замрет весь мир под снегом,
Зеленеть один я буду!

Он мне говорил, что это его единственная радость в жизни. Давай наберем воды в речке и польем его сосну...

Они спускаются к речке...

Большая дорога с Севера на Юг. Теперь здесь новая граница. Недалеко от колючей проволоки границы находятся развалины фанзы Хо Сика. Дорога поросла травой. У колючей проволоки сидят, неспешно переговариваясь, два солдата – индуса.

– Вот уже месяц прошел, как я уехал из дома. Очень хочется домой!

– А мне тем более – осталось служить всего три месяца. Дома ждет жена...

– Смотри, вон кто-то подходит.

Оба встали и подошли к колючей проволоке.

С другой стороны к колючей проволоке подошли Хо Сик и Бон Не... Она несет брезентовое ведро, полное воды.

– Что вам нужно? – спрашивает индус Хо Сика.

– Это мой дом... – горько улыбаясь, говорит Хо Сик. – Что-то лежит на камне... Может быть, осталось что-нибудь от прошедшей жизни. Я вас попрошу об одной услуге – принесите, пожалуйста! Вы знаете, нам, корейцам, не разрешается ходить по той стороне...

Индус уходит. Второй индус смотрит на ведро у Бон Не.

– Девушка, вы не могли бы дать мне напиться?

Бон Не дает ему ведро, потом срывает листья ивы и кладет в ведро:

– Что бы вы не пили большими глотками – это вредно...

Индус с благодарностью смотрит на нее поверх края ведра.

Первый индус возвращается с развалины... Он отдает Хо Сику женскую туфлю.

– Туфля.. Это моя мать оставила... Мы ушли отсюда восемь лет назад. Теперь мы почти вернулись. Но сколько лет должно пройти, чтобы я мог прийти на свой двор... Когда я смогу увидеть мать...

Хо Сик смотрит вдаль на южное небо.

Индусы тоже смотрят туда, куда смотрит Хо Сик. Там большими кругами летает ястреб...

...Летает ястреб... у демаркационного поста стоит старуха – корейнка. Она смотрит помутневшими старческими глазами на ястреба...

Шведский лейтенант раздраженно объясняет что-то старухе в оборванной запыленной одежде. Это – мать Хо Сика. Она не слушает его, смотрит на ту сторону, где летает ястреб, где среди изумрудной зелени лугов поднимаются вершины гор...

Хо Сик и Бон Не уходят от границы. Индусы смотрят им вслед.

– Кстати, ты знаешь, что такое тридцать восьмая параллель? – говорит один. – Я смотрел по карте... Она проходит около Вашингтона, Афин, Лиссабона, пересекает Америку, Португалию Испанию, Грецию, Турцию, Советский Союз, Китай, Японию... почти все большие страны. Если бы такая граница была бы во всех этих странах, то сколько несчастья это принесло бы человечеству!

– Несчастные люди – корейцы... Эту границу им надо как можно скорее ликвидировать. Мы – чужие люди, но мы можем ходить по их земле, а они – нет! И даже когда перед глазами родной дом, им нельзя войти в него... Я не могу припомнить в истории другого такого случая. Гляди, они машут нам!

На вершине холма стоят Хо Сик, Бон Не и молодая сосна.

Москва, 1957 год.

Публикация Зинаиды Ивановны Ветровой

